

London is a

Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

Театр "Гилгуд"

из пяти спектаклей проекта я видела только два).

Действие пьесы "Принцесса острова" Джона Флетчера разворачивается на одном из островов Индонезии. Красавица Квизара, сестра короля, плененного Губернатором соседнего острова, использует свои чары, чтобы освободить брата с помощью португальцев, прибывших сюда в поисках приключений. Несмотря на козни Губернатора (так же, как и все персонажи пьесы, влюбленного в принцессу), Квизара добивается своего. Король освобожден, принцесса выходит замуж за португальца Армузию и в финале готова принять христианство.

Режиссера Грегори Дорана пьеса привлекла прежде всего экзотичностью. На сцене – ансамбль ударных, исполняющий индонезийские ритмы. Малиново-золотые одеяния Квизары и ее свиты смотрятся яркими пятнами на фоне одетых в черную кожу португальцев. Облик главного злодея Губернатора явственно напоминает Усаму бен Ладена. Придумав несколько современных штришков, режиссер, в сущности, бросает артистов на произвол судьбы. Они выходят слева-справа, а также через зрительный зал. И далее докладывают текст. По жанру пьеса – трагикомедия, и в комических местах артисты старательно смешат публику. Отдельные живые моменты проскальзывают как раз в драматических эпизодах в игре Джеми Главера (Армузии). Но в целом "Принцесса" – типичное чтение пьесы вслух, "с выражением". Чего, судя по всему, зрителям вполне достаточно. Здесь принято внимательно и благодарно слушать текст. На пресс-показе в зале было много театральных обозревателей. Мысленно представила себе реакцию нашей пишущей братии на этот спектакль, их пожимание плечами и закатывание глаз, и подивилась восторженности, добросердечию английских коллег.

Другая работа Дорана – "Римский актер" по пьесе Филиппа Мессинджера, – еще резче подтвердила мнение о режиссере, как о заурядном "разводчине". Главную роль императора Домициана играет знаменитый артист Энтони Шер, прославившийся своим Ричардом III и Макбетом. Увы! Шер работает очень внешне. Выглядит он достаточно эффектно и вполне порочно, но масштаба личности (а Энтони Шер известен не только как перво-классный актер, но и как автор нескольких книг, и как художник) не ощущается. Есть в "Римском акте-

ре" и просто безвкусные сцены, вроде казни мучеников. Палач и сам император крючками выковыривают, выдирают куски мяса у несчастных жертв на глазах у зрителей, а потом вытирают окровавленные руки о белоснежные тоги. Император пробует себя не только в роли палача, но и в качестве лицедея, чтобы убить настоящим, а не бугафорским кинжалом настоящего актера (В актера Париса влюблена супруга Домициана). На деле же все в спектакле выглядит как бугафория. Что римская, что индонезийская история, поставлены Грегори Дораном вне стили и внятного решения, – всего того, что принято называть режиссурой. Скорее на улицу! Тем более, что Лондон сам по себе – лучшая теат-

роландия. Он не может разочаровать.

Вот разве что Тауэр представлялся издалека более монументальным, мрачным, зловещим. От соседства с грандиозным Тауэрским мостом он как-то скукожился. А в остальном – все совпадает. "Когда пронзительнее свиста! Я слышу английский язык! Я вижу Оливера Твиста! Над кипами конторских книг! У Чарльза Диккенса спросите, что было в Лондоне тогда! Контра Домби в старом Сити! и Темзы желтая вода".

На оживленном Стрэнде к нам подошел симпатичный, печальный мальчик. Он вежливо просил не на хлебушек, как у нас, а на cup of tea (чашечку чая). Глаза у парнишки были смысленные. Не получится

Энтони Шер в спектакле "Римский актер"

выцганить денежку, подождем, когда вы зазеваетесь, – отчетливо читалось в этом взгляде. Да это же Плут, персонаж из "Оливера Твиста", – догадалась я. Сегодня воровать носовые платки – нонсенс и потому дети из шайки Феджина караулят рассеянных лондонцев и туристов у банкоматов, хотя кошельками тоже не брезгуют. Во многих магазинах висят специальные объявления: "Воры! В нашем магазине работает камера!" На набережной Темзы работает Тюремный музей – "Подземная томница". В подвальном этаже экспонируется "казнь преступника". Палач вот-вот отсечет руку вору. Куклы-манекены исполнены

Джоанна Райдинг в спектакле "My fair Lady"

в натуральную величину и смотрятся как живые. Наглядная агитация. Но все равно воруют.

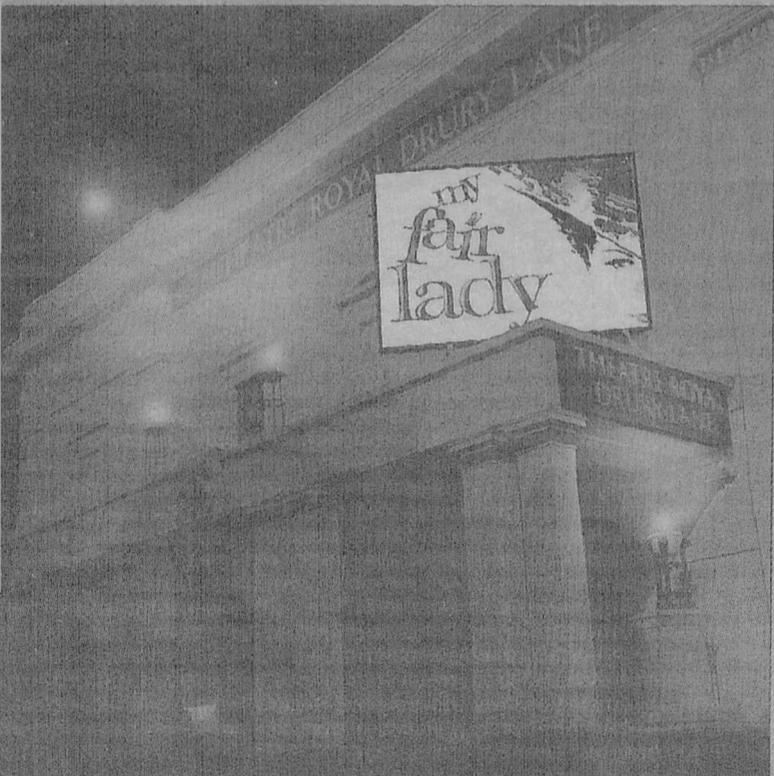
Неподалеку, рядом с крутой лестницей, ведущей на мост, – мемориальная доска. На ней надпись: "Nancy's Steps". Эти ступеньки – фрагмент знаменитого Лондонского моста (он, как мы знаем, в 70-е годы был распилен и отправлен в США, а на вырученные деньги построили новый). Именно в этом месте шпион, посланный Феджиным, подслушал тайный разговор Нэнси с мистером Браунлоу и Роз. Об убийстве Нэнси можно прочитать на камне. Кто подзабыл "Оливера Твиста", оживит в памяти страницы книги Диккенса, а заодно мысленно представит себе старинный Лондонский мост, известный по

Экран и сцена –

“Т театроландией” называют район Вест Энда, где сконцентрированы лондонские театры. Афиши и рекламные щиты пестрят названиями мюзиклов: "Призрак оперы", "Отверженные", "Чикаго" (параллельно, в кинотеатрах демонстрируется одноименный новый американский фильм), "125-я улица", "Mamma Mia". Последняя премьера Королевского Национального театра тоже мюзикл "Anything Goes" ("Что-то происходит") Кола Портера в постановке Тревора Нанна. Впрочем, и драма в британской столице представлена достаточно широко. От "Мышеловки" Агаты Кристи, отпраздновавшей свое 50-летие, – до пьесы "Пляски смерти" Стриндберга (премьера – 20 февраля) с Йеном Маккелланом в главной роли. Нынешней зимой в Лондоне с "творческим отчетом" выступает Стратфордский Королевский Шекспировский театр, он представляет проект "Новые старые пьесы". Открытый в начале века "Hicks Theatre", с 1994 года носит имя сэра Джона Гилгуда. Как и множество других, уютный театр на Шафтсбери авеню начинается не с вешалки. Куртки и пальто тут принято вешать на спинку кресла, или запихивать под него. Во время антракта, в самом зале (!) продают шоколадное мороженое. Признаюсь, оно понравилось мне значительно больше, чем сами спектакли. (Впрочем,

Театр "Дрюри Лэйн"

Theatreland

многочисленным пейзажам и гравиорам.

Когда-то спорили – не кощунство ли это: продать достопримечательность? Хорош ли новодел? Быть может, правы чокнутые героини популярной у нас пьесы Шеффера "Леттис и лавидж", собиравшиеся взорвать новые постройки Лондона? Кажется, не совсем. Сравнительно недавно стала отстраиваться новая набережная, неподалеку от вокзала Ватерлоо. Королевский фестиваль-ный зал, Королевский Национальный театр, Национальный дом кино с уникальным Музеем истории кино, галереи, и наконец чудо-новодел "Глобус" (его возводили из дерева, используя лишь те строительные материалы, что применялись во времена Елизаветы I) – волшебное пространство с музейной экспозицией и театром под открытым небом.

"Театр под открытым небом" – формула города. Его индивидуальность, конечно же, не исчерпывается архитектурой и скульптурой. Кстати, в Лондоне много больших памятников (исключение памятник Черчиллю рядом с Вестминстерским аббатством). Но не являются ли настоящими лондонскими памятниками ярко-красные двухэтажные автобусы, телефонные будки, почтовые ящики (красные, чтоб были хорошо видны в

Здесь же жарят традиционное уличное блюдо – "fish and chips".

Внутри викторианского здания рынка мелкие магазинчики, кафе и большой ресторан в подвальном этаже. Оттуда несется звуки музыки. Высокий тенор в пальто и длинном шарфе вместе с худенькой партнершей, кутающейся в меховую курточку, расппевают дуэты и арии из итальянских опер – "Тоски", "Травиаты", "Любовного напитка". Публика аплодирует бурно, и не только зрители за столиками, но и народ, облепивший лестницу, зрители свешиваются с балюстрады. А тем временем над аркой протянулась толстая веревка и на нее залез канатоходец. Впрочем, это настоящий клоун, и прежде чем отправиться балансировать на канате, парень долго шутил с публикой, передразнивал зрителей, издевался над ними, требовал оплаты труда, призывал "войти в положение". Вот, наконец, канатоходец пошел по веревке и не просто пошел, а одновременно начал ловко жонглировать ножами, кажется, что он взял эти ножи напрокат у рядом торгующих мясников.

Конечно, этот уличный театр имеет поддержку лондонских властей, он приманка для многочисленных туристов. Не хватало лишь цветочниц, но мне объяснили, что зимой они берут временный отпуск, ранней весной непременно

что именно этот спектакль привозили в Москву и в Ленинград весной 1960 года. Его, конечно, видели немногие. Но мало найдется тех, кто не смотрел киномузыкал, снятый в 1964 году Джорджем Кьюкором с Одри Хепберн в главной роли. Собственно, Тревор Нанн так и начинает спектакль с цитаты из пролога фильма, на суперзанавесе – море цветов. Но с первых тактов музыки, свет, падающий на занавес, преобразует картину, сквозь цветы проступают лица горожан, возникает огромная фотография, запечатлевшая уличную толпу.

Лондон – главный герой спектакля Тревора Нанна. Огромное пространство сцены все время в движении. Подмостки состоят из нескольких транспортеров, в мгновение меняющих место действия. Основа сценического решения (художник Энтони Уард) – металлическая конструкция, напоминающая силуэты лондонских вокзалов. (Паддингтон, Виктория, Ватерлоо, Чэрринг-Кросс – названия сами собой всплывают в памяти). Система занавесов переносит нас из одного района города в другой. Публика не успевает дух перевести, как Ковент-Гарденский рынок, а вслед за ним – колонны церкви святого Павла (не путать с собором святого Павла) стремительно превратились в кабинет Хиггинса на Уимпол стрит.

Шекспировский "Глобус"

Он, этот кабинет, похож на грандиозный читальный зал библиотеки Британского музея. Пейзажи и интерьеры вызывают восторг публики. Вот Пикадилли с ангелочком-Эросом, вот улица Уимпол-стрит и подъезд дома Хиггинса, а вот откуда ни возьми красный кружок с синей полосой, символ знаменитой лондонской Трубы "TUBE", как именуют в городе метро. В этот момент публика буквально стонет от радости узнавания.

Стремительно сменяют друг друга массовые сцены. Они замечательно разработаны, каждый участник массовки (будь то уличная торговка или тонная аристократка) индивидуален, следить за каждым – огромное удовольствие. Тревор Нанн вместе с хореографом Мэтью Боурном организуют пространство таким образом, что запятые, заезженные номера "Ле-

ди" смотрятся и слышатся как в первый раз. Знаменитый хит "With a little bit of luck" ("Если повезет чуть-чуть") Дулиттл и его компания поют дважды. Сперва в пабе "Красный лев", а потом еще раз (три дня спустя, как написано в программке) на улице около все того же "Льва". Веселиться по-настоящему умеют только проститутки и мусорщики, невольно думаешь, глядя на то, с каким упованием выделяет эта компания свои кренделя, каким чертом носится Дулиттл (Деннис Уотерман), вовлекая в свой танец всех и вся. Особенно уморительна пляска с крышками от мусорных бачков. В руках Дулиттла, его дружок и подружек они превращаются в литавры.

Самые большие симпатии режиссера и хореографа на стороне уличных торговек и мусорщиков. "Свет" нарочито шаржирован. Сцена "Скачки" – хореографическая карикатура. "Наездницы" – дамы лондонского бомонда помыкают "лошадками" – своими кавалерами. Если угодно, можно вычитать из спектакля (как, впрочем, и из "Пигмалиона") феминистский смысл. Тревор Нанн придумывает уморительную демонстрацию феминисток, она движется навстречу главной героине. В роли Элизы – Джоанна Райдинг. Ее героиня кажется невесомой. Во время урока она восхитительно вспрыгивает-взлетает на диван, актриса волшебна пластична. Чуть пережимая в первых эпизодах, где педалирована вульгарность цветочницы, Райдинг трогательна в сценах пирических и драматических, лучшей из которых становится возвращение Элизы на Ковент-Гарденский рынок. Здесь никто из прежних друзей ее не узнает. Чудесным, тонким актер Алекс Дженнингс играет Хиггинса самоуверенным джентльменом, в котором не изжит анфан террибль. Хороши и безукоризненно стильны Пиккеринг (Малькольм Синклер), миссис Хиггинс (знакомая российскому зрителю Каролайн Блэйкстон).

Зритель выходит из театра, напевая: "Если повезет чуть-чуть". И ему точно, повезло. "My fair lady" Тревора Нанна доказывает, что музыкал может быть, одновременно, и чрезвычайно демократичным, и интеллигентным, полным изящества и поэзии, зрелищем. Наши опыты в этом направлении пока напоминают самые первые уроки Элизы Дулиттл. На рекламном анонсе Элиза изображена в бальном платье, а над ней название ее песенки "Loverly!", что на русский можно перевести, как "Людно!". Англичане любят каламбуры, связанные с игрой слов и звуков. В звучании слов "London" ("о" читается, как "а") и "Theatreland" слышится родство. И очень неслучайное.

Джеми Главер и Саша Бехар в спектакле "Принцесса острова"

тумане) и черные кэбы? Крыша кэба непривычно высокая – чтобы джентльмен легко помещался вместе с цилиндром. И хотя цилиндры теперь не носят, традиции хранят неукоснительно. Например, пассажир должен выйти из кэба и только после этого протянуть плату шоферу через окно. И никак иначе. Как и много лет назад к 7-30 вечера вереница черных машин подъезжает к театрам. Из кэбов у здания Королевской оперы (Ковент-Гардена) выходят нарядные дамы и господа вместе с детьми (девочки в длинных платьях и белых чулках с веерами, мальчики в смокингах с биноклями). А совсем близко – Ковент-Гарденский рынок. Он окружен лотками с овощами, мясом и рыбой, цветочными лавочками.

целая вереница девушек с корзинами фиалок появится на Ковент-Гарденском рынке. Тем не менее, Элиза Дулиттл и ее товарки появились в двух шагах отсюда – на сцене одного из старейших лондонских театров "Дрюри Лэйн", что на Catherine street.

Перед началом спектакля "Моя прекрасная леди" (он поставлен в Королевском Национальном театре два года назад знаменитым Тревором Нанном и нынче играется как антрепризный) капельдинеры выкрикивают пронзительными голосами: "Программка – за три фунта!". Из программки мы узнаем, что именно в "Дрюри Лэйн", начиная с 1958-го пять лет играли легендарную "Леди" Лернера и Лоу с Джули Эндрюс в главной роли – всего 2281 представление! Напомним,

Экран и сцена –